

Скоро должен был налететь тайфун, а Чжун Мин вдруг притащил на лодку котёнка. Сказал, что нашёл, когда ходил в горы за хворостом. Маленький комочек привлёк столько внимания, что едва ли не затмил ту самую громадную ракушку, за которую на рынке он выручил целых пять лян серебра.

— Бедняжка... Брат, а лапку ему вправду можно вылечить? — спросила Тан Ин. Она отдала свой старый платочек, только что выстиранный, чтобы перевязать котёнку рану.

— Можно. Я знаю, как, — отозвался Чжун Мин.

Он только что вместе с вернувшимся с воды Тан Дацяном сложил в кучу хворост — собирался ещё раз подняться в гору. Перед тем как сойти с лодки, раздал поручения младшим.

— Вскипятите воду, прокалите ножницы, поищите пару кусков ткани и две дощечки примерно такой длины, как у него повреждённая лапка, — он всё показал на пальцах, затем окликнул Чжун Чунься, хлопотавшую по хозяйству:

— Э-эй, вторая тётушка, у нас на лодке ещё осталась большая репейница?

— Осталась. Ты что, коту её дать хочешь?

— Ага. Посыпдем на рану — кровь остановится быстрее.

У людей воды есть привычка ходить босиком. Часто бывает, наступишь на ракушку или на коралл — и ногу распорешь. Потому у каждого дома припасено немного репейницы — сорной травы с гор, которая бесплатно лечит любые порезы. Просто разотри и приложи и дело с концом.

— Как буду убирать, поищу, — кивнула Чжун Чунься. — Найдётся — скажу Инь-эр тебе отнести.

Чжун Мин снова взвалил на плечо бамбуковое коромысло, схватил топор и ушёл. А Чжун Чунься, выглянув за ним вслед, лишь покачала головой, потом вернулась и продолжила перешёптываться с мужем:

— Вот посмотри, раньше-то А-Мин шлялся где попало, мы всё ругались... А теперь выходит, не всё было зря. Многое понял, даже лечить переломы умеет.

Тан Дацян, как всегда, только засмеялся:

— Чем больше знает — тем лучше! Шестой дядя-гун его уже нахваливал. Этот парень точно не пропадёт, видать, большой человек из него выйдет!

Из-за истории с котёнком Чжун Мин немного задержался, и когда снова поднялся в горы, Су И там уже не было. Только на месте, где он недавно колол дрова, обнаружилась вязанка хвороста, аккуратно перевязанная лианами.

Чжун Мин подошёл, поднял, осмотрел — сразу понял, от кого она.

— Ох уж этот маленький гер...

Он покачал головой. На душе поднялось странное, труднообъяснимое чувство.

Два раза за день он поднялся в горы и принёс достаточно дров для двух семейств. Но из-за всей этой суматохи с котёнком совсем вылетело из головы найти подходящий бамбук для своего «подводного лука». Ладно, потом как-нибудь.

Сначала он с Тан Дацяном отнёс хворост в каменный дом на пригорке и аккуратно уложил в угол, чтобы на следующий день всё было под рукой. Потом сразу вернулся на лодку — лечить кота.

Сначала прокаленными ножницами остриг шерсть вокруг раны, потом вылил немного крепкого самогона — промыть, продезинфицировать. Затем приложил раздавленные листья репейницы, наложил шину из дощечек и плотно перебинтовал. Всё это время котёнок вопил на всю лодку, жалобно и пронзительно. Сердце разрывалось. Особенно у Чжун Ханя — стоило кошке заскулить, как и у него по щекам начинали течь слёзы. Видя это, Чжун Мин сам уже начал сомневаться, правильно ли он поступил, принеся котёнка домой.

Но в целом он всё сделал правильно — не притащить котёнка обратно означало бы бросить его умирать. А на такое Чжун Мин был не способен.

— Вот это денёк, вымотался до чёртиков... — пробормотал он. — Ладно, отнесите его отдыхать. Сегодня у него наверняка ни сил, ни аппетита.

Он бросил в таз окровавленные ножницы и тряпки, выпрямился и размял затёкшую шею.

В углу каюты Чжун Хань с Тан Ин и Тан Цюэ устроили лежанку из огромной раковины с подогнутыми краями. Внутри положили старую, выстиранную одежду — теперь это была уютная постелька для котёнка.

Чжун Мин вымыл ножницы, вылил воду с кровью за борт и вернулся в каюту. Чжун Хань всё ещё не сдвинулся с места, сидел, уставившись на маленькое чёрное тельце.

Он подошёл, сел рядом, скрестив ноги, и потрепал брата по голове. Чжун Хань поднялся, подсел ближе:

— Брат, когда у котёнка заживёт лапка, мы его оставим, правда?

— Конечно.

— Тогда давай дадим ему имя!

Чжун Мин откашлялся:

— Вообще-то... я уже придумал. Как тебе имя Додо?

«Юй» (卍, в значении «лишний») звучит не слишком-то удачно, а вот «До» (卍, «много») — совсем другое дело. Пусть будет Додо: много счастья, много денег — как ни крути, звучит это гораздо благополучнее.

В этом вопросе Чжун Хань, конечно же, прислушался к мнению своего старшего брата.

- Додо звучит хорошо, но почему у него такое имя?

Раньше, при второй тётке, Чжун Мин не стал вдаваться в подробности — боялся, что она снова примется подтрунивать над его «сватовством». А вот сейчас, когда рядом только младший брат, он без утайки рассказал всю историю: откуда взялся котёнок и какая у него была связь с Су И.

— Запомни главное, — закончил он, — Су-гер раньше был его хозяином. Если он когда-нибудь придёт навестить котёнка, мы не имеем права его прогонять.

Чжун Хань выслушал внимательно, с наклонённой вбок головкой, потом серьёзно закивал:

— Су-гер хороший. Добрый.

Чжун Мин невольно улыбнулся, погладил мальчика по вихрастой макушке:

— Наш Сяо Цзай людей насквозь видит.

Детское сердце — как белый лист, и что на нём появится, зависит от того, что впишут взрослые.

Чжун Хань не обиделся, что брат растрепал ему волосы, наоборот — весь сиял. Он протянул руку и осторожно коснулся котёнка:

— Теперь ты Додо. Ты наш, из нашей семьи!

У котёнка появилось новое имя. А у Чжун Ханя — долгожданный пушистый друг. Этой ночью «трое в лодке» — старший брат, младший и Додо — спали мирно и крепко. А на следующее утро котенок уже мог сам облизывать варёную рыбную крошку и бульон.

Когда Чжун Чунься пришла взглянуть на его состояние, она только кивнула, улыбнувшись с облегчением:

— Раз ест — значит, выживет. Эта кошка вашей семье судьбой назначена. Раньше сколько котов ни ловили — никто не приживался. Видно, всё ждали именно эту.

Чжун Хань души в Додо не чаял. Он даже достал свою «сокровищницу» - плетёную корзинку, которую разрешалось брать только на рынок в уезд — положил в неё тряпки и таскал котёнка с собой повсюду, боясь оставить одного. А вдруг на лодке никого не окажется, а тот прыгнет в воду? С такой лапкой ведь и не всплыть...

На следующий день.

С восходом солнца в Байшуйао началась всеобщая мобилизация — надвигался тайфун, и времени было в обрез. Староста отдал приказ: с сегодняшнего дня ни одному судну не выходить в море. Все крепкие мужчины из каждой семьи обязаны собраться, помогать друг другу вытаскивать лодки на берег. До наступления темноты в заливе не должно остаться ни одной.

— Старейшины уже велели передать: дождь, может статься, пойдёт уже этой ночью. Так что не мешкайте — чем раньше управитесь с лодками, тем раньше пойдёте отдыхать. А кто промедлит и под ливнем окажется — пусть потом не жалуется, что его не предупредили!

Такие слова звучали каждый год, снова и снова. Но что поделать — сколько людей, столько характеров. В одной деревушке и трудяги, и лентяи, и расторопные, и копуши. Весь сезон тайфунов да ещё весенний налог — два главных повода для головной боли у старосты. К концу дня у него язык сотрётся, а дел только прибавится.

Сказал своё, утер пот со лба и пошёл проверять, как мужики вытаскивают лодки. А ведь это только начало — впереди сплошная суета.

Чжун Мину, разумеется, не отвертеться, он в здешней округе был среди самых сильных. Он с утра присоединился к мужской части семьи Чжун, вместе принялись вытаскивать семейные суда. Если к вечеру останутся силы, пойдут помогать другим.

Деревянные лодки — дело нешуточное, тяжёлые, словно свинцовые. Тут важна сноровка. Спереди тянут канатом, сзади толкают, работать нужно дружно, под общий клич. Главное —

слаженность, чтобы не вышло так, что один в лес, другой по дрова. Затащить на берег — это ещё полдела, важно оттащить повыше. Ведь в непогоду волны могут быть высотой с двухэтажный дом: накроют пару раз, и от лодки останутся щепки.

Одна за другой, лодка за лодкой — и усталость не меньше, чем в море ловить медуз. К полудню вытянули уже десяток лодок, впереди оставалось ещё добрый десяток. Молодые и старые — все валились с ног, на время растеряв силы. Уселись прямо на пляже, как выброшенные на берег дохлые рыбы, и ждали, когда кто-нибудь принесёт поесть.

Обед в этот день готовился на всех сразу — ведь вытаскивали лодки для всего клана. Готовили в большом котле: грубый рис с морепродуктами сварили в густую кашу. Каждый опрокидывал в себя по чашке, чтобы хоть немного залить пустой желудок. Кроме того, каждому полагалась порция заранее приготовленного, уже остывшего рыбного риса.

Парни, как водится, ели за троих — шесть рыб на человека. Рыбу варили на пятиярусных подносах, кому не хватало — мог подойти за добавкой. Свежее рыбное мясо после варки не распадалось, оставалось плотным и сочным. Зажимаешь палочками кусок — целиком в рот, жуёшь, глотаешь. Для людей воды такая еда всё равно, что дорожный паёк, сытно и быстро.

В будни, если есть время и силы, в такую еду полагалось добавлять домашнюю бобовую пасту. Но сейчас было не до того: ели кто как, даже без палочек, просто хватали руками и бросали в рот.

У кого дома были жёны или супруги-геры, тем повезло больше — заботливые половинки приносили еду специально для своих. Кто-то нёс лепёшки, кто-то выпечку — чтобы муж ел не как все, а по-особому. А вот такие холостяки, как Чжун Мин или Чжун Ху, этим счастьем похвастать не могли. Только и оставалось, что глазами провожать чужое счастье.

Чжун Ху глянул вдаль: там Чжун Шоуцай обедал рядом со своей женой. Та поднесла мужу пирожок прямо к губам, потом достала платок и заботливо вытерла ему лоб. Чжун Шоуцай позволил ей обтереть пот, потом сам палочками поднёс кусочек пирога ей в рот — любовь да и только. Чжун Ху глядел, и сердце у него буквально горело от зависти.

— Брат А-Мин, — вдруг подал голос Чжун Ху, — всё-таки лучше тебе поскорее жениться. Вот глянь на брата Шоуцай: всего год как женился, а при виде своей жёнушки даже его каменное лицо в улыбку расплывается, прямо как морской анемон распускается. А мой отец говорит: ты у нас из молодёжи самый старший, пока ты не женишься — мне и мечтать нечего.

Чжун Мин потерял дар речи. Он почти поверил, что это какой-то сговор — будто вторая тётка с третьим дядей научили Чжун Ху уговаривать его с другой стороны, в дополнение к уговорам старших. Мол, коли уж старшие не достучались, пусть младший брат поворчит. Но неужели и вправду Чжун Ху теперь при каждом удобном случае поднимает эту тему?

— Ты с той из семьи У... — Чжун Мин так и не вспомнил, как звали ту девушку, о которой Чжун Ху заикался в прошлый раз, и потому пробурчал неясно: — Вы часто видитесь?

— Неа, — покачал головой Чжун Ху. — Она же ещё незамужняя, как это мы можем часто видаться? Ну, только когда на отлив ходим, пару раз пересекались.

Он тут же расплылся в дурашливой улыбке:

— В прошлый раз я помог ей вытащить креветочную сеть, она даже мне улыбнулась!

Чжун Мин так и не понял, насколько эта девушка из семьи У и впрямь близка с его братом. Не вышло бы, что тот сам себе всё придумал и бредит в одиночку. Но, глядя на выражение лица Чжун Ху, он понял, что тот действительно её ценит. Это не мимолётный интерес — он по-настоящему влюблён.

Чжун Мин невольно спросил:

— А за что она тебе нравится? Чем она тебе приглянулась?

Чжун Ху с серьёзным видом размышлял добрых полминуты, а потом наконец выдал:

— Даже не знаю, как сказать... Просто хочется её видеть. Увижу — и радостно становится. Работаю — подумаю о ней, и сразу силы прибавляются!

— Нравится, потому что красивая? — уточнил Чжун Мин.

Чжун Ху замахал руками:

— Не в этом дело. Она, конечно, красивая, но не только из-за этого. Мама всегда говорит жену выбирать не по красоте.

— Тогда, может, потому что она ловкая, хозяйственная?

— Сян-цзе, конечно, ловкая! — тут же ответил Чжун Ху. — Она в морском промысле первая мастерица, ещё и циновки из тростника плетёт, и ткань из бананового волокна делает! Но даже если она и умеет всё это, если я на ней женюсь, я сам больше работать буду, а ей — меньше. У меня силы много, зачем ей утруждаться.

Чжун Мин тяжело выдохнул. Этот его кузен Ху и впрямь простоват, но в сердце — как на ладони. Похоже, как только женится, будет из тех, кто жену на руках носит, пылинки сдувает.

А сам он? В прошлой жизни все силы тратил на развлечения и ухищрения в уезде, а теперь, когда действительно захотел остепениться, даже и вспомнить не может, кто бы мог его всерьёз заинтересовать. Вспомнил, как в тот раз на пиру у семьи Цзян его чуть ли не силком заставили

выйти спеть в ответ — так он даже не знал, кто там на соседней лодке. Если уж говорить, кто ему хоть немного знаком из местных девушек или геров...

Су И, пожалуй, можно было бы считать таковым.

Чжун Мин почувствовал, что с ним что-то неладно. Провёл рукой по щеке — зудит. Ещё не успел разобраться с собственными мыслями, как к ним подошли несколько девушек из рода, забирать пустую посуду. Среди них была и Тан Ин. Чжун Мин огляделся по сторонам и не увидел Чжун Ханя. Раньше, в такие моменты, тот обязательно прибежал — поглазеть, поболтаться рядом.

Услышав его вопрос, Тан Ин с улыбкой пояснила:

— Он на лодке. Сидит, кота сторожит — ни в какую не хочет уходить. И Цюэ-эр с ним.

Чжун Мин: ...

Вот тебе и поговорка «с появлением кота про брата забыл».

После полудня снова принялись за работу — ни одной лишней мысли, только тяжёлое дыхание своё и товарищей слышно.

К закату все двадцать с лишним лодок рода Чжун были вытянуты на берег.

Поднять лодку на сушу — ещё полдела. До того из кают убирали всё, что боялось воды: несли в каменные дома, где пережидали непогоду. Этим дело не ограничивалось: снимали паруса, мачты, двери и окна, бамбуковые навесы — всё, что можно разобрать, разбирали. А снаружи лодки накрывали брезентом.

Брезент был огромными полотнищами — на каждой лодке своё. Латали и штопали их из года в год, пока окончательно не износится. Когда брезентом накрывали лодку, его края оставались достаточно широкими, чтобы по периметру прижать их тяжёлыми камнями. Если всё сделать как следует, даже довольно сильный ветер не сможет сорвать укрытие.

Чжун Мин уложил последний камень, шагнул вперёд, с силой дёрнул брезент — тот даже не шелухнулся. Он удовлетворённо хлопнул ладони, отряхивая с них песок, и позвал Чжун Ханя:

— Малыш, иди-ка сюда. Помогите мне запомнить — наша лодка стоит вот здесь. Посчитай, с левого края это какая по счёту?

На воде из поколения в поколение росли люди, что в школу не ходили, букв не знали, были, как говорится, сплошь темнота. Максимум, чему их учили, — как считать, чтобы при продаже

улова не прогадать. Чжун Мин, поживший уже одну жизнь, по случайности оказался в штрафном военном лагере, где подружился с солдатами, знавшими грамоту. От них и нахватался кое-чего полезного, кое-чему научился, взгляд стал шире, разум яснее.

Он решил: в этой жизни, если будет хоть малейшая возможность, обязательно обучит братишку. Учить начнёт с простого счёта, а когда тот привыкнет — и письменность подтянет. По крайней мере, имя своё писать должен уметь.

— Один, два, три, четыре... — загибая пальцы, Чжун Хань с гордостью насчитал, что их лодка седьмая, и порадовался: хорошо, что у него десять пальцев. А то если бы брат велел считать с другого конца, пришлось бы кошачьи лапы привлекать.

Постойте... а ведь это, похоже, тоже идея?

Чжун Мин не заметил, как Чжун Хань с загоревшимися глазами уставился на кошачьи лапки — видимо, размышляя, как бы их приспособить к счёту. Он лишь похвалил братишку за то, что тот не ошибся при подсчёте, а затем вскинул голову и взглянул на небо.

Сегодня, как он знал, дождь пойдёт уже после полуночи. В прежней жизни именно через несколько часов случилось то, о чём он до сих пор не мог вспоминать без боли. Но теперь у него был шанс изменить самое тяжёлое своё раскаяние — и он не смел позволить себе ни малейшей небрежности.

— Пошли, — сказал он твёрдо. — Здесь мы всё собрали, теперь надо поспешить в горы.

<http://bllate.org/book/13583/1204988>